

ХРОНИКИ РУССКОГО СЫСКА

ВЫПУСК
№1

Сергей Диковинный

МЁРТВЫЙ АКТЁР ДВАЖДЫ

КИН,
или
ГЕНИЙ
и
ЗЛОДЕЙСТВО

КИН,
или
ГЕНИЙ
и
ЗЛОДЕЙСТВО

Дело №

Новелла
перекус
№ 8

Сергей Диковинный ХРОНИКИ РУССКОГО СЫСКА. Выпуск первый. МЁРТВЫЙ АКТЁР ДВАЖДЫ

<https://litres.ru/74476083>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1886 год. Московское сыскное отделение, агент Игнат Куракин — человек нелюдимый, с чемоданом вместо портфеля и с театральным прошлым, о котором не рассказывает никому. При нём околоточный надзиратель Иона Васин — двадцать лет службы, тетрадь в клетку и привычка записывать всё, даже то, что не понимает.

Четыре дела. Четыре московских зимы и вёсны.

Дело первое — о человеке, который не мог умереть дважды. Дело второе — о том, кого взяли на сцене. Дело третье — о театре «Аркадия», где нашлось три Баркова, а убийц оказалось двое. Дело четвёртое — о «Фениксе», который сгорел и возродился из пепла.

Куракин не гонится за преступником. Куракин даёт ему думать, что его не видят. А Васин записывает: «След всегда

больше вещи», «Актёр играет чужую жизнь, сыщик читает свою», «Пирожок у Егорова с капустой».

Цикл исторических детективов о двух следователях, которые ловят московских убийц не погоней, а терпением.

Содержание

Глава 1. Кузнецкий мост	5
Глава 2. Двор на Никольском	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

ХРОНИКИ РУССКОГО СЫСКА. Выпуск первый. МЁРТВЫЙ АКТЁР ДВАЖДЫ

Глава 1. Кузнецкий мост

**Записки околоточного надзирателя второго участка Пречистенской части Ионы Аркадьевича Васина
Москва, 1902 год**

Я, Иона Аркадьевич Васин, околоточный надзиратель второго участка Пречистенской части, в полиции с 1884 года. В тот вечер я шёл домой, на Остоженку, к себе в квартиру, и ни о каком театре не думал. Дело было в среду, 16 апреля, в исходе девятого часа.

Кузнецкий мост я в тот час прошёл от Петровки до Неглинной, тут же в переулке купил у мальчишки пяток пирожков с капустой и был намерен дойти до дома без всякой задержки. Дождь моросил с полудня и к вечеру не перестал. Публика на Кузнецком была ещё густая: приказчики из модных магазинов, дамы под зонтиками, студенты, извозчики — обычная вечерняя картина. Театр «Аркадия» стоит тут

же, на углу Никольского переулка, фасадом к Кузнецкому. У входа в тот вечер стояли два канделябра на кронштейнах и висел афишный щит; давали «Кина, или Гения и злодейство». Трагика Баркова я знал по афишам восемь лет, но в театре не бывал ни разу: некогда.

Из зала я услышал крик в двадцать минут десятого.

Не такой крик, как на сцене. А такой, как бывает, когда человек кричит уже не по роли, а сам. За ним — короткая тишина. Потом — сразу несколько голосов, потом — гул, потом — шум отодвигаемых стульев. Я в ту минуту был у самого угла Никольского переулка, шагах в тридцати от подъезда. Я оставил пирожки у капельдинера в дверях и вошёл в зал.

В зале был порядок, который бывает у театральной публики в первые минуты испуга: все стоят, никто не идёт к выходу, все обернулись на сцену. На сцене, у самого края рампы, лежал человек. Я его узнал: Барков Александр Ильич, трагик, антрепренёра Грибова, известность московская. Лицом вверх, руки раскинуты. Из левой руки выкатилась какая-то золотая вещь и застряла между досками; я в ту минуту не разобрал, что именно.

Я прошёл через партер на сцену. Публика меня пропустила. Капельдинеры стояли по краям, занавес не опустили, из-за кулис слышался женский голос, повторявший: «Сашенька, Сашенька» — и мужской бас, который приказывал никого не пускать.

На сцену ко мне вышел доктор Кистяковский. Он был тут же в зале, из публики, — пожилой, лет под шестьдесят, при часах на жилете. Он был мне известен как врач по Пречистенской части, приглашали его иногда к нам для свидетельств. Он присел у тела, взял руку, потом шею, потом послушал грудь своей трубочкой на шнурке, выпрямился и сказал:

— Разрыв сердца. Играл роль, где много крика. Бывает.

Я спросил у него:

— Смерть медикаментозная?

— Обыкновенная, — ответил он. — Сердце.

Он вынул из жилетного кармана платок и вытер лоб и подбородок. Платок был мокрый. Он положил его обратно в карман.

Я велел закрыть сцену и не пускать никого за кулисы. Тело оставили на досках до прибытия агента сыскной части; я о том распорядился через театрального служителя Костина, послав его в участок. В публике оставались ещё человек двести; я вышел к рампе и попросил всех разойтись. Разошлись тихо. Дамы шли под руку, мужчины — по одному; один купец у буфета просил вернуть ему деньги за место в третьем ряду; ему не вернули.

Я обошёл закулисы.

В уборной Баркова на туалетном столике стоял стакан с вином, не допитый наполовину. Рядом лежала афиша этого вечера, сложенная вчетверо. На полу — пудра и слегка рас-

сыпанная пудра была около зеркала. Окно во двор было открыто и в него шёл дождь; на подоконнике — мокрое пятно. Дверь в уборную — не заперта и не заперта была, судя по положению язычка, всё время.

В коридоре за кулисами ко мне подошёл человек, которого я не знал: плотный, с золотой цепочкой по жилету, лицо у него было заплаканное, но злое.

— Я антрепренёр Грибов, — сказал он. — Что теперь будет? У меня векселя. Кто за это будет платить?

Я сказал ему, что не знаю. Он махнул рукой и отошёл.

Через десять минут мне назвали тех, кто был в ту минуту за кулисами: актриса Вера Строева, второй сезон в «Аркадии»; рабочий сцены Григорий Тихонов, по прозвищу Гвоздь; двое суфлёров; гардеробщик; парикмахер, приходящий; и ещё лакей, принесший в уборную бутылку вина. Я велел всем остаться до утра и записал имена. Не потому, что я что-то подозревал: правило такое.

Тело под присмотром двух городских положили в комнату для репетиций, и я велел её запереть на ключ. Ключ я взял себе.

Домой я вернулся в исходе первого. Агафья спала. Пирожки остались у капельдинера, и я их на другой день у него же и взял, но они были уже сухие.

Наутро, в четверть восьмого, ко мне в участок пришёл швейцар из доходного дома на Садовой-Кудринской, по фамилии Прохоров. Он был бледен, шапку держал в руках и с

порога сказал:

— Господин околоточный. У нас на чёрной лестнице, за чуланом с дровами, — человек лежит. Мёртвый. Голый. И, — тут он перевёл дух, — я его, кажется, знаю. Это тот актёр, что вчера в театре помер.

Я велел ему идти за мной. Он шёл впереди и всю дорогу крестился.

На Садовой-Кудринской, в чулане за дровами, на голом полу, лежал мужчина лет сорока с небольшим, раздетый до белья, лицом к стене. Я повернул его за плечо. Лицо было знакомое — Александр Ильич Барков, которого я вчера в двадцать минут десятого видел на сцене театра «Аркадия». Умер он, судя по холодности тела и по пятнам, часов за шесть или семь до того, как швейцар его нашёл. Иными словами, умер он вчера вечером, когда в театр я ещё только шёл.

Я велел запереть чулан и выставил у двери постового.

И в тот же час послал курьера к агенту сыскной части Игнату Северьяновичу Куракину, с запиской в три строки: «Садовая-Кудринская, дом Андреева, чёрная лестница. Второй Барков. Пречистенской части околоточный Васин».

Тетрадь И. А. Васина. Записи по делу № 3 «Аркадия».

Запись первая. 17 апреля 1902 года, утро.

Первое. На сцене — Барков, костюм трагика, грим, парик. Труп под присмотром с 16 апреля, 20 ч. 40 мин.

Второе. На Садовой-Кудринской — Барков, раздет до белья, лицо чистое, грима нет. Умер прежде, чем найден. Труп осмотрен 17 апреля, около 8 ч. утра.

Третье. Доктор Кистяковский подписал 16 апреля в зале: «разрыв сердца».

Четвёртое. В уборной Баркова, 16 апреля, — стакан с вином, недопитый наполовину. Стакан из уборной не выносил. Стоит на месте.

Пятое. В уборной окно приоткрыто, на подоконнике мокрое пятно от дождя. Снаружи — общий двор, чёрный ход в Никольском переулке.

Шестое. За кулисами 16 апреля были: актриса Вера Стржева; рабочий Григорий Тихонов (Гвоздь); двое суфлёров; гардеробщик; парикмахер; лакей с бутылкой вина. Имена записаны, оставлены до утра, со всех взято показание.

Седьмое. Антрепренёр Грибов 16 апреля в зале говорил о векселях, а не о покойном.

Восьмое. Мальчишка с шарманкой, по имени Лукьян, во дворе театра в тот вечер был с четырёх часов пополудни. Свидетель.

Девятое. У меня в тетради три записи. В деле — два трупа. Дальше — то, что скажет Куракин, когда приедет.

Куракин приехал в четверть десятого, с чёрным чемоданом, который принёс за ним мальчик-курьер. Он вошёл в чулан на Садовой, присел у тела, посмотрел на лицо, на руки, на подошвы, ничего не сказал. Потом вышел и велел маль-

чику-курьеру отнести чемодан в «Аркадию».

В «Аркадии», в комнате для репетиций, мы пробыли у тела до одиннадцати.

Куракин снял сюртук, оставшись в жилете, и работал сам, без помощников: осматривал руки, шею, ногти, за ушами, у глаз, в паху; каждую вещь складывал отдельно на бумажку и надписывал карандашом. Свои наблюдения он записывал в серую тетрадь в клетку, а не диктовал мне. Я стоял в дверях и следил, чтоб никто не входил.

Он работал час и десять минут. Потом надел сюртук, вымыл руки и сказал мне:

— Одевались здесь. Одежда — не его.

Я спросил, что это значит.

— Это значит, — сказал Куракин, — что вчера вечером, после того как публику распустили, этого человека в комнате для репетиций не было. Его принесли сюда ночью и одели в сюртук уж здесь.

Я сказал, что этого не может быть: комната была заперта, ключ у меня, у двери сидел постовой.

— Ключ у вас, — согласился Куракин. — А окно?

Я посмотрел в окно. Оно было закрыто. Задвижка была опущена. Куракин подошёл, посмотрел на задвижку вблизи и сказал:

— Задвижка опущена на два сантиметра ниже, чем следует. Её закрывали не изнутри.

И, не прибавив больше ничего, повернулся ко мне:

— Иона Аркадьевич. У вас пирожки с капустой есть?
Я сказал, что есть, но они сухие.

— Ничего, — сказал он. — Сухие лучше.

Он вынул из кармана карандаш, посмотрел на него, положил обратно, взял трость и вышел в коридор.

— Запишите себе, Иона Аркадьевич, — сказал он уже от двери. — И хорошенько запомните.

— Что записать?

— Что след всегда первым приходит на место, — сказал Куракин. — Преступник приходит вторым. А мы с вами — третьими.

И ушёл.

Я записал.

Тетрадь. Запись вторая. 17 апреля, полдень.

Десятое. Комната для репетиций. Задвижка окна опущена ниже, чем следует. Закрывали не изнутри.

Одиннадцатое. Одежда на теле Баркова — не того покроя, как вчера на сцене, и не того размера. Сюртук — короткий в рукавах. Воротник — не его.

Двенадцатое. Записи Куракина мне не читал.

Тринадцатое. Труп с Садовой-Кудринской лежал голым. Труп в «Аркадии» — в сюртуке. Одежда с одного не сходится с одеждой на другом.

Четырнадцатое. Значит, есть третий.

Глава 2. Двор на Никольском

Куракина я догнал на крыльце. Он шёл уже через двор к чёрному ходу, не оборачиваясь.

— Игнат Северьянович, — сказал я. — В директорской всё готово. Допросим?

— Допросим, — ответил он. — Только не в директорской.

— А где?

— На дворе. Люди во дворе говорят правду. В директорской — рассказывают.

Он был прав, и я это знал. Мне ли не знать: сорок лет окололечным, и сорок лет я вижу одно и то же. В комнате человек садится и вспоминает, как надо. На воздухе — говорит то, что есть.

Двор театра «Аркадия» — меж двух флигелей, с колодцем посредине, с плоской галереей вдоль второго этажа. От чёрного хода — три шага до каретника, от каретника — ворота в Никольский переулок. Место бойкое: и днём, и вечером тут кто-нибудь да сидит. Днём — прачки, торговки, мальчишки. Вечером — публика с задних рядов, курильщики, и вот этот мальчишка с шарманкой, Лукьян, который мне третьего дня дан был на глаза в диковинку, а вчера уже попал в мою тетрадь.

Мы вышли во двор. Куракин покрутил тростью, посмотрел вверх — на галерею, потом на окна второго этажа, потом

на колодец. Сел на лавочку у ворот, положил трость рядом.

— По одному, — сказал он. — Начинайте с рабочего.

Я велел городовому вызвать Тихонова.

Григорий Тихонов, по прозвищу Гвоздь, — лет сорока, сухой, жилистый; руки, как у слесаря, в мозолях и в чёрных точках от железных опилок. Когда он вышел во двор, я сразу увидел: он знал, что его позовут.

— Гвоздь, — сказал я. — Расскажи, что вчера делал после конца действия.

— Коротко, — сказал Куракин.

Гвоздь посмотрел на него, потом на меня, потом опять на него. Потом заговорил, коротко, как велели.

— Публику выпустили. Тело перенесли в комнату для репетиций. Меня поставили к двери — вот тут. Я сидел на табурете у двери, дверь за собой закрыл на ключ, ключ отдал вон тому господину, — кивнул он на меня. — Кто входил — спросите у него.

— Кто входил, я знаю, — сказал Куракин. — Скажите, что вы слышали.

— Часы.

— Какие часы?

— Я не знаю, какие. У нас в комнате для репетиций часов нет. А я слышал всю ночь: тик да тик, тик да тик. Ровно, как у хорошего стенного.

Куракин карандаша не вынимал. Он смотрел на Гвоздя и ждал.

— А ещё что? — спросил он.

— Ещё — будто дверь в конце коридора скрипнула. Но это, может, ветер.

— Может, ветер, — согласился Куракин. — Спасибо. Ступайте.

Гвоздь ушёл.

Я сел рядом с Куракиным.

— Игнат Северьянович, что за часы?

— Не знаю, — ответил Куракин. — Запишите.

Я вынул тетрадь. Записал: «Часы. Тикали всю ночь в комнате для репетиций. Часов в комнате нет».

Следующий был антрепренёр Грибов. Куракин не встал, не подал руки, не предложил сесть. Грибов сел сам — на другую лавочку, напротив.

— Матвей Фёдорович, — сказал Куракин. — Когда Барков приехал в театр вчера?

— Как всегда. К началу оркестра.

— Кто был с ним в уборной?

— Лакей с вином. Парикмахер. Потом Вера Сергеевна заходила, но это — с полчаса до третьего звонка.

— О чём говорили?

— Не знаю, я там не стоял.

— А в уборной вы были?

— Я в уборной был, — сказал Грибов, и лицо у него пошло красными пятнами. — Я заходил — сказать ему, чтобы он не выходил на сцену за кулисы, а прямо из уборной.

У нас порядок.

— Во сколько вы заходили?

— Не помню точно. Перед вторым звонком.

— А кем вы сами работаете, Матвей Фёдорович?

— Что это значит? — вскинулся Грибов.

— Я спрашиваю, — сказал Куракин ровно. — Просто.

— Антрепренёр я. Театр держу.

— Чей театр?

— Мой.

— А до «Аркадии»?

Грибов помолчал.

— До «Аркадии» был парикмахер, — сказал он наконец.

Куракин чуть кивнул. Он не улыбнулся, но что-то в лице у него прошло, и я в такие минуты его боялся больше, чем когда он брал в руки чемодан.

— Идите, — сказал он. — Вы мне нужны ещё будете.

Грибов встал и ушёл. Он держался за перила, хотя тут никаких перил не было.

— Игнат Северьянович, — тихо сказал я. — А что нам парикмахер?

— Парикмахеру, Иона Аркадьевич, — ответил Куракин, — удобно знать, у кого какая голова. Это ремесло. Ничего больше я не имею сказать.

Третья была Строева.

Она вышла во двор не с парадного, а с чёрного хода — значит, знала, откуда её позовут. За собой она притворила

дверь тихо. Она была в тёмном платье, без брошей, без колец. Только на левом среднем пальце я заметил очень узкую, почти стёртую белую полосу — там, где кольцо когда-то было. Она села на лавочку напротив Куракина и первая сказала: — Я всё скажу сама. Спрашивайте.

Куракин молчал. Я тоже.

— Я знала Баркова восемь лет, — сказала она. — С Твери. Я его любила, и он это знал. А потом — два года тому — мы поссорились. Из-за дела, не из-за женщины. Дело было маленькое. Он мне не простил. И вот второй сезон я тут, у него в театре, на третьих ролях, и он ко мне не подходит.

— Зачем пришли? — спросил Куракин.

— Из-за характера. Он был дурной, но талантливый. Такого в Москве больше нет. Я пришла работать. Работа мне нужна.

— Что вы делали между вторым и третьим звонком?

— Сидела у себя.

— Кто-нибудь видел?

— Никто.

Куракин молчал.

— У вас кольцо было? — спросил он вдруг.

Строева вздрогнула. Она посмотрела на свою руку — на левый средний палец — и скрыла руку в складке платья.

— Было. Давно.

— Кто дал?

Она не ответила.

— Спасибо, — сказал Куракин. — Ступайте.

Она встала. Она смотрела на него, и в глазах у неё была такая ненависть, что я отступил на шаг. Потом она ушла снова через чёрный ход.

Я записал: «Строева. Кольца нет. Полоска на левом среднем пальце. Меж вторым и третьим звонком — одна, никто не видел. Давно не любит Куракина? Нет. Давно знает Баркова — восемь лет, Тверь».

Четвёртым был парикмахер, проходящий, Семён Семёныч Хвощ. Пришёл — так же, как и Строева, — то есть заранее зная, что позовут. Худой, в клетчатых брюках, с припомаженным пробором, при нём — маленький саквояж, который он не выпускал из рук.

— Господа, — сказал он с ходу. — Я парикмахер. Я проходящий. Я вчера стриг Баркова, но это не значит, что я его убивал. Он мне сам давал рубль на чай.

— Мы вас не подозреваем, — сказал я.

— А зачем тогда позвали?

Куракин сказал:

— Кто ещё к нему заходил до второго звонка?

— Я в уборной был весь вечер, — сказал Хвощ. — Дверь в уборную не закрывали. Заходили: лакей с вином, антрепренёр, актриса одна — я её в лицо не знаю, пришла, что-то сказала и ушла, а потом... а потом...

Он замолчал.

— Что потом? — спросил Куракин.

— А потом зашёл человек, которого я не знаю. Не из театра.

Куракин чуть двинул рукой.

— Опишите его.

— Высокий, — сказал Хвощ. — В цилиндре. С портфелем. Постоял у двери, поглядел на Баркова и ушёл.

— Портфель? Какой?

— Кожаный такой. Тёмный.

Куракин опустил глаза в тетрадь.

— Спасибо, — сказал он и встал.

Хвощ ушёл.

Я вынул тетрадь. Записал: «Парикмахер. В уборной весь вечер. Заходил человек в цилиндре с портфелем. По виду — не из театра. Не назвался. Постоял и ушёл».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.